

Слезы и дым

На Тиамака давило отсутствие деревьев в землях Высоких тритингов. Да, Кванитупул также производил странное впечатление, но он с самого детства там бывал, и обветшалые здания и многочисленные каналы немного напоминали ему о доме в болотах. Даже в Пердруине, где он провел одинокое время в ссылке, было множество стоявших близко друг к другу домов, бесконечных узких переулков и темных тайных мест, а над городом висел соленый запах моря — в результате Тиамак мог там жить, не испытывая ностальгии. Но здесь, среди лугов, он ощущал себя уязвимым и совершенно чужим. Крайне неприятные чувства.

Те, Что Наблюдают и Творят, уготовили для меня диковинную жизнь, — часто думал он. — *Мне выпала самая необычная судьба из всех моих соплеменников, если не считать Нуобдига, женившегося на Огненной сестре.*

Иногда он находил утешение в этой мысли. В конце концов, быть избранным для участия в столь удивительных событиях являлось в некотором смысле компенсацией за годы непонимания со стороны его собственного народа и обитателей Пердруина. Конечно, его не *понимали* — он был особенным: кто еще из враннов способен говорить и писать на языке обитателей материка? Но в последнее время, когда Тиамак находился в окружении жителей других земель, не зная, что случилось с его собственным народом, он страдал от одиночества. В такие моменты, встревоженный северной пустотой, что окружала его со всех сторон, Тиамак подходил к реке, протекавшей через лагерь, и слушал так хорошо знакомые ему успокаивающие звуки мира воды.

Как раз этим он и занимался некоторое время, сидел, болтая смуглыми ногами в воде Стеффлота, несмотря на холод и пронизывающий ветер. Настроение у него улучшилось, и теперь он возвращался

в лагерь. Вдруг мимо него промчался кто-то странный — он бежал, не обращая внимания на разметавшиеся на ветру белые волосы, причем непонятное существо двигалось гораздо быстрее обычного человека. Тиамак не успел оторвать от него взгляда, как в воздухе пронеслась большая птица — она летела низко, словно преследовала первого.

Очень скоро оба исчезли из вида на холме, где располагался лагерь принца. Ошеломленный Тиамак немного постоял, но быстро сообразил, кто бежал первым.

Женщина-ситхи! — подумал он. — *За которой гнался ястреб или сова?*

Это не имело смысла, однако она — ее звали Адиту — также казалась Тиамaku необъяснимой. Ничего подобного он прежде не видел, и она немного его пугала. Но кто мог ее преследовать? Судя по выражению лица ситхи, нечто ужасное.

Или она мчалась в сторону чего-то ужасного, сообразил он и почувствовал, как все у него внутри сжалось. Она спешила в сторону лагеря.

Тот, Кто Всегда Ступает по Песку, — начал молиться Тиамак, который тоже помчался к лагерю, — *сохрани меня, сохрани всех от зла.* — Теперь сердце у него билось очень быстро, опережая бегущие ноги. — *Какой зловещий год!*

В первый момент, когда он оказался у границы огромного палаточного лагеря, Тиамак успокоился. Никакого шума, еще не все костры погасли. Но тут он понял, что в лагере *слишком тихо*. Полночь еще не наступила, и наверняка далеко не все отправились спать — кто-то должен был шуметь. Что же случилось?

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он снова взглядел птицу и теперь уже не сомневался, что это сова, — и, чувствуя, что задыхается, поспешил туда, где видел ее в последний раз. Бежать с больной ногой было трудно, и вскоре она начала отчаянно ныть, но Тиамак постарался не обращать на нее внимания.

Тихо, тихо, как в застойном пруду. Палатки стояли темные и безжизненные, точно камни, которые обитатели материка укладывали на могилы умерших.

Вон там! Тиамак снова почувствовал, как внутри у него все сжалось. Одна из стоявших неподалеку палаток задрожала, словно под порывами ветра, и горевший внутри свет принялся отбрасывать на стены тени, казавшиеся живыми.

Одновременно Тиамак почувствовал неприятные ощущения в ноздрах, жжение и сладкий мускусный запах. Он конвульсивно чихнул

и едва не упал, но сумел удержать равновесие и заковылял к палатке, в которой пульсировал свет и мелькали тени, словно внутри рождалось чудовище. Он попытался закричать, чтобы предупредить людей об опасности — на него навалился почти непереносимый ужас, — однако не смог произнести ни звука. Даже хриплое дыхание стало тихим и слабым.

А в палатке странным образом царил тишина. Отбросив страх, Тиамак сдвинул в сторону клапан. Сначала он увидел лишь темные фигуры и яркий свет, словно на стене палатки шло представление театра теней. Но через несколько мгновений начал что-то различать.

В дальнем конце палатки стоял Камарис. Казалось, он получил ранение — по волосам и щеке текла кровь, и он покачивался, словно одурманенный. И все же, даже несмотря на то, что он сгорбился и прислонился к тряпичной стене, чтобы не упасть, он внушал страх, точно медведь, окруженный собаками. У него не было меча, и он размахивал зажатой в руке обгоревшей деревянной палкой, не подпуская к себе атакующего его врага — непонятную черную фигуру с белыми руками, в одной из которых что-то блестело.

У ног Камариса извивалось и пыталось лягаться нечто уже совсем непонятное, хотя Тиамак показалось, что он сумел разглядеть конечности, затянутые в черное, и бледный нимб волос Адиту. Третье, также одетое в черное существо находилось в углу и отбивалось от крылатой тени.

Объятый ужасом Тиамак попытался позвать на помощь, но не смог издать ни звука. Несмотря на то что схватка шла не на жизнь, а на смерть, в палатке царил тишина, если не считать приглушенных звуков, которые издавали противники на полу, и шороха хлопавших крыльев.

Почему я ничего не слышу? — подумал Тиамак. — И почему не могу произнести ни звука?

Он стал искать на полу хоть что-нибудь, напоминавшее оружие, проклиная себя за то, что легкомысленно оставил нож в палатке, которую делил с отцом Стрэнгъярдом. Он был без ножа, без камней для пращи и дротиков! Та, Что Заберет Нас Всех, сегодня наверняка споет его песню.

Казалось, что-то огромное и мягкое ударило его по голове, и Тиамак упал на колени, а когда поднял глаза — увидел, что схватки продолжаются, но ни одна из них не шла рядом с ним. Сладкий запах стал сильнее, голова у него пульсировала от боли даже больше, чем нога, и отчаянно кружилась, но он пополз вперед, и его рука нащупала

нечто твердое — рыцарский меч, черный Шип, все еще в ножнах. Тиамак знал, что ему не поднять клинок, но вытащил его из-под постели и встал, с трудом сохраняя равновесие, как Камарис. Что было в воздухе?

Однако меч неожиданно оказался легким, несмотря на тяжелые ножны и ремень. Тиамак поднял его высоко вверх, сделал несколько шагов вперед и изо всех сил ударил по тому месту, где, как ему казалось, находилась голова противника Камариса. Удар отозвался болью в руках Тиамака, но враг не упал. Более того, медленно повернул голову, и два глаза, наполненных тьмой, посмотрели с мертвенно-бледного лица на вранна. Горло Тиамака конвульсивно сжалось. Даже если бы он не лишился голоса раньше, сейчас он не сумел бы произнести ни звука. Он поднял дрожавшие руки, приготовившись нанести новый удар, но белая рука существа метнулась к нему и отбросила назад. Все вокруг завертелось, меч выскользнул из онемевших пальцев и упал на траву.

Голова Тиамака стала тяжелой, как камень, но он не чувствовал боли от удара, лишь понимал, что разум его покидает. Вранн попытался снова встать, но сумел лишь подняться на колени. Он дрожал, как больной пес.

Тиамак лишился дара речи, но все еще видел, что происходило вокруг. Камарис качался и тряс головой — очевидно, испытывая такие же ощущения, что и Тиамак. Старик защищался, одновременно пытаясь что-то поднять. Меч, вдруг сообразил вранн, черный меч. Но Камарису мешали Адиту и ее противник, которые катались по земле, пока старый рыцарь отбивался от врага палкой из костра.

В другом углу что-то сверкнуло в руке одного из темных существ — нечто красное, точно полумесяц огня. Алое сияние переместилось с быстротой атакующей змеи, крошечное темное облако взорвалось и стало медленно, как снежинка, опускаться на землю. Это было перо. Перо совы.

Помогите. — Тиамаку казалось, его череп сейчас расколется. — *Нам нужна помощь. Мы умрем, если никто не придет нам помочь.*

Камарис наконец сумел наклониться и поднять меч, едва не упал, но в последний момент принял на клинок удар врага. Они начали кружить, Камарис спотыкался, но его одетый в темное противник двигался с осторожным изяществом. Они снова сошлись, одной рукой старый рыцарь отбил удар кинжалом, но лезвие оставило кровавый след. Камарис неуклюже отступил, пытаясь выгадать пространство для

удара мечом. Его глаза оставались наполовину закрытыми — то ли от боли, то ли усталости.

Он ранен, — в отчаянии подумал Тиамак. Пульсировавшая боль в голове усилилась. — Возможно, он умирает. Почему никто не идет к нам на помощь?

Вранн подобрался к жаровне с углями — единственному источнику света в палатке. Его тускневшие чувства то вспыхивали, то гасли, точно фонари на улицах Кванитупула на рассвете. В голове осталась лишь одна смутная мысль, но ее оказалось достаточно, чтобы он протянул руку в сторону железной жаровни. Когда он почувствовал — смутно, как далекое эхо, — жар на своих пальцах, Тиамак толкнул жаровню. Она перевернулась, и угли разлетелись во все стороны, подобно водопаду рубинов.

Когда Тиамак, задыхаясь, упал, он еще успел увидеть свою почерневшую от сажи руку, сжавшуюся в кулак, точно паук, а за ней — крошечное пламя, лизавшее ткань палатки.

— Нам больше не нужны проклятые вопросы, — проворчал Изгримнур. — Их хватит на три наших жизни. Нам необходимы ответы.

Бинабик сделал смущенный жест.

— Я согласен с вами, герцог Изгримнур. Но ответы не похожи на овец, которые приходят по вашему зову.

Джошуа вздохнул и прислонился к стене шатра Изгримнура. Снаружи взревел и застал ветер в дрожавших веревках, которые удерживали шатер.

— Я знаю, как все сложно, Бинабик. Но Изгримнур прав — нам необходимы ответы. То, что ты рассказал нам о Звезде Завоевателя, лишь усилило наши сомнения. Нам необходимо узнать, как использовать три Великих меча. А звезда говорит — если ты прав, — что времени осталось совсем мало.

— Именно на это мы обращали наше внимание, принц Джошуа, — сказал тролль. — И мы думаем, что скоро нам удастся кое-что узнать — Стрэнгъярд нашел нечто очень важное.

— И что? — спросил Джошуа, наклонившись вперед. — Нам пригодится все, буквально все.

Отец Стрэнгъярд, сидевший молча, заерзал.

— У меня нет такой уверенности, как у Бинабика, ваше высочество, я не знаю, насколько это окажется полезным. Первую часть я

обнаружил некоторое время назад, когда мы еще только двигались к Сесуад'ре.

— Стрэнгъярд нашел важный для нас отрывок в книге Моргенеса, — пришел к нему на помощь Бинабик, — в котором говорилось о Трех мечах.

— И? — Пальцы Изgrimнура забарабанили по испачканному в грязи колену. Днем он потратил немало времени, укрепляя опоры шатра в вязкой сырой земле.

— Как нам кажется, Моргенес предположил, — проговорил священник, — что Три меча делает особенными, более того, *могущественными*, то, что они выкованы не в Светлом Арде. Каждый из них в некотором смысле противоречит законам Бога и природы.

— Я не понимаю. — Принц слушал очень внимательно.

Изgrimнур с некоторой грустью отметил, что подобные исследования интересовали Джошуа гораздо больше, чем цены на зерно, налоги и законы землевладения.

— Джелой сможет объяснить лучше, чем я, — с сомнением ответил Стрэнгъярд. — Она знает больше о подобных вещах.

— Она уже должна быть здесь, — заметил Бинабик. — Я не знаю, стоит ли нам ее ждать.

— Расскажите, что можете, — попросил Джошуа, — у нас был долгий день, и я устал. Кроме того, моя жена плохо себя чувствует, и я хочу находиться рядом с ней.

— Конечно, принц Джошуа. Я сожалею, конечно. — Стрэнгъярд собрался с мыслями. — Моргенес пишет, что в каждом мече есть нечто, не имеющее отношения к Светлому Арду и нашей земле. Шип выкован из камня, упавшего с неба. Сияющий Коготь, который прежде носил имя Миннеяр, — из железного кия корабля Элврита, приплывшего из-за моря с запада. Эти земли наши корабли больше не могут отыскать. — Он откашлялся. — Скорбь сделан одновременно из железа и ведьминоного дерева ситхи — двух несовместимых вещей. Само ведьмино дерево, как сказала Адиту, удалось вырастить из семян, привезенных ее народом из места, носившего название Сад. Ни один из мечей не должен существовать, ни один не может быть хорошим оружием... ну, за исключением чистого железа из кия корабля Элврита.

— Ну, и как были выкованы мечи? — спросил Джошуа. — Вы ищете ответ именно на этот вопрос?

— Моргенес упомянул еще кое-что, — продолжал Бинабик. — И об этом говорится в рукописи Укекука. Слово Созидания — волшебное

заклинание, как назвали бы его мы, хотя те, кто владеет Искусством, не употребляют подобные слова.

— Слово Созидания? — Изгримнур нахмурился. — Просто слово?

— Да... и нет, — с несчастным видом ответил Стрэнгъярд. — На самом деле мы не уверены. Миннеяр, насколько нам известно, творение дварров — *двернинггов*, как вы их называете на вашем языке, герцог Изгримнур — Скорбь выковал Инелуки в кузницах дварров под Асу'а. Только они обладали знаниями, необходимыми для того, чтобы сделать столь могучее оружие, но эти знания стали доступны Инелуки. Возможно, Шип также имеет непосредственное отношение к дваррам, или кто-то использовал их умения. В любом случае весьма возможно, если мы сможем выяснить, как появились Три меча и каким образом удалось наделить их особой силой, они помогут нам в борьбе с Королем Бурь.

— Я сожалею, что не расспросил графа Эoleyра, пока он был здесь, — нахмурившись, сказал Джошуа. — Он встречался с дваррами.

— Да, они рассказали ему свою часть истории Сияющего Когтя, — добавил отец Стрэнгъярд. — Впрочем, нельзя исключать, что их участие не имеет для нас существенного значения, а важен лишь факт их существования. И все же, если у нас появится какой-то шанс в будущем связаться с дваррами и они захотят с нами говорить, я бы задал им много вопросов.

Джошуа задумчиво посмотрел на архивариуса.

— Да, такая работа вам подходит, Стрэнгъярд. Я всегда считал, что вы напрасно тратите свое время, изучая пыльные книги по церковному праву.

Священник покраснел.

— Благодарю вас, принц Джошуа. Если я чего-то и добился, то только благодаря вашей доброте.

Принц небрежно махнул рукой, отмахиваясь от комплимента.

— Тем не менее, несмотря на то что выяснили вы с Бинабиком и Джелой, нам предстоит еще много сделать. Мы все еще в открытом море и мечтаем увидеть землю... — Он замолчал. — Что за шум?

Изгримнур также обратил внимание на то, что странный шорох стал перекрывать вой ветра.

— Похоже на спор, — сказал герцог и немного помолчал, прислушиваясь. — Нет, не так, слишком много голосов. — Изгримнур встал. — Клянусь молотом Дрора, надеюсь, это не начало восстания. — Он потянулся к Квалниру, и его тяжесть успокоила герцога. — А я надеялся на спокойный завтрашний день перед тем, как мы двинемся дальше.

Джошуа вскочил на ноги.

— Тогда не будем сидеть и пытаться понять, что происходит.

Как только Изгримнур вышел из шатра, его взгляд сразу обратился в сторону огня.

— Пожар! — крикнул он, когда остальные выбежали вслед за ним. — Один шатер пылает, но складывается впечатление, что начинают гореть и другие палатки.

Люди метались между палатками, кричали и яростно жестикулировали. Мужчины надевали пояса с мечами и громко ругались. Матери хватали детей, заворачивали их в одеяла и выбегали наружу. Все проходы между палатками были забиты испуганными людьми. Изгримнур заметил упавшую на колени пожилую женщину, которая плакала, хотя она находилась всего в нескольких шагах от него и довольно далеко от огня.

— Да спасет нас Эйдон! — вскричал Джошуа. — Бинабик, Стрэнгъярд! Зовите людей с ведрами и мехами с водой, направьте запаниковавших людей к реке — нам нужна вода! А еще лучше возьмите промасленные палатки и посмотрите, сколько воды можно в них принести! — Он побежал в сторону пожара; Изгримнур поспешил за ним.

Пламя уже поднялось высоко в ночное небо, раскрасив небо в жуткий оранжевый цвет. Когда Изгримнур и Джошуа подбежали к горевшей палатке, огненные искры, наполнявшие воздух, набросились на бороду Изгримнура, и он принялся с проклятиями их сбивать.

Тиамак пришел в себя, его тут же вырвало, и он попытался восстановить дыхание. В голове у него звенело, точно проснулся церковный колокол Пердруина.

Вокруг пылал огонь, обжигая кожу, высасывая воздух. Охваченный паникой, Тиамак пополз по тлевшей траве к выходу из палатки, к прохладной темноте, но тут его лицо коснулось скользкой черной ткани. Несколько мгновений он с ней боролся, удивляясь странному сопротивлению, затем ткань исчезла, и он увидел бледное лицо в черном капюшоне. Глаза были обращены вверх, на губах пузырилась кровь. Тиамак попытался закричать, но его рот был полон обжигающего дыма и собственной горькой рвоты. Задыхаясь, он откатился в сторону.

Внезапно что-то сжало его руку, кто-то сильно потянул его вперед, протаскивал по бледнокожему трупу и сквозь стену пламени. Тиамаку показалось, что он умер. Затем на него что-то набросили, и та же сила,

которая вызволила его из палатки, увлекла дальше — и он оказался на влажной траве. Ревущее пламя устремлялось в небо, но он лежал в стороне от него. Он был в безопасности!

— Вранн жив, — сказал кто-то рядом, и Тиамаку показалось, что он узнал мелодичный голос ситхи, но заметно изменившийся от тревоги. — Его вытащил Камарис. Я просто не понимаю, как рыцарь сумел не заснуть после того, как его отравили, однако ему удалось убить двух хикеда'я.

Ответа Тиамак не разобрал.

Несколько долгих мгновений он просто втягивал прохладный воздух в горевшие легкие, потом перекатился на живот. Адиту стояла в нескольких шагах от него, ее белые волосы почернели, золотое лицо покрылось грязью. У ее ног лежала Джелой, частично завернутая в плащ, но она явно была обнаженной под ним, мускулистые ноги покрывала роса или пот. На глазах у Тиамака она попыталась встать.

— Нет, тебе лучше этого не делать, — сказала ей Адиту, отступая на шаг. — Клянусь Рощей, Джелой, ты ранена.

Джелой с трудом подняла голову.

— Нет, — сказала она. Тиамак едва слышал ее хриплый шепот. — Я умираю.

Адиту наклонилась и протянула к ней руки.

— Позволь я тебе помогу...

— Нет! — голос Джелой стал немного сильнее. — Нет, Адиту, слишком поздно. Я получила с дюжину ударов клинком. — Она закашлялась, тонкая струйка темной жидкости потекла по ее подбородку, поблескивая в свете горевших палаток, и Тиамак не смог отвести от нее взгляда. Но тут он увидел ноги Камариса, неподвижно лежавшего на траве. — Я должна уйти. — Джелой попыталась подняться, но не смогла.

— Возможно, я... — начала Адиту.

Джелой слабо засмеялась, снова закашлялась и выплюнула сгусток крови.

— Ты думаешь, я... не... знаю... — сказала она. — Я была целительницей... очень долго. — Она протянула дрожащую руку. — Помоги мне. Помоги встать.

На лице Адиту промелькнуло удивление, как у простого смертного, но потом она стала серьезной, взяла протянутую руку Джелой, наклонилась вперед и мягко ухватила за вторую руку. Мудрая женщина медленно поднялась, она едва стояла на ногах, но Адиту ее поддерживала.